

Всеволод Гаршин

**Вторая
выставка
«Общества...»**

*Часть сборника
Красный цветок (сборник)*

Всеволод Михайлович Гаршин

Вторая выставка «Общества выставок художественных произведений»

«Пятого марта в Академии художеств открылась вторая выставка «Общества выставок художественных произведений». С грустными размышлениями поднялся я по гранитным ступеням нашего храма «свободных искусств». Когда-то, вспомнилось мне, здесь, в этих стенах, соединялись *все* художественные русские силы; здесь, наряду с произведениями маститых профессоров, стояли первые опыты теперешней русской школы: гг. Ге, Крамского, Маковских, Якоби, Шишкина... Здесь можно было шаг за шагом проследить всю летопись нашего искусства, а теперь! Раздвоение, вражда!..»

**Всеволод Михайлович
Гаршин**

**Вторая выставка «Общества
выставок художественных
произведений»**

Пятого марта в Академии художеств открылась вторая выставка «Общества выставок художественных произведений». С грустными размышлениями поднимался я по гранитным ступеням нашего храма «свободных искусств». Когда-то, вспомнилось мне, здесь, в этих стенах, соединялись все художественные русские силы; здесь, наряду с произведениями маститых профессоров, стояли первые опыты теперешней русской школы: гг. Ге, Крамского, Маковских, Якоби, Шишкина... Здесь можно было шаг за шагом проследить всю летопись нашего искусства, а теперь! Раздвоение, вражда!

Передвижная выставка удалилась из родных стен и основала колонию; метрополия не снесла процветания своей младшей сестры и сама задумала удивить мир. Основалось «Общество выставок». Первая прошлогодняя выставка, нужно сказать правду, не удивила мира, то есть, пожалуй, и удивила, но как-то в другую сторону.

С такими печальными мыслями шел я к кассе, купил билет и каталог. Еще не входя в залу, я случайно раскрыл его – и, о ужас! что

представилось моим глазам! На 11-й странице четким шрифтом напечатано: «И.Ф. Ясинский. Братья-Разбойники *Лермонтова*». Я не верил своим глазам. Как! О гг. Якоби, Мещерский, Орловский, цвет «Общества выставок», зачем не смотрели вы за «агентом общества Ив. Фед. Шене», крупным шрифтом означенным на обертке каталога? Зачем не назначили этому почтенному агенту помощника, знающего, кому из наших поэтов принадлежат «Братья-Разбойники»?

Я вошел в конференц-залу, откуда открываются по обе стороны двери в галереи. Одна из них была заперта, следовательно, для выставки хватило половины обыкновенного помещения. Я заглянул на последнюю страницу каталога: всех произведений оказалось 171. В прошлом году было 244. Мне осталось только тяжело вздохнуть. Весною на передвижной выставке картин было вчетверо меньше; входя в залу, я тоже, помню, испустил вздох, но, обойдя картины, я развеселился: такое свежее, отрадное впечатление произвела эта выставка, крохотная, но составленная из образцовых произведений.

На выставке Общества мое грустное настроение еще более усилилось под влиянием общего ансамбля пейзажей, портретов, жанров и других «художеств», которые, за немногими исключениями, смотрят тоскливо и печально.

Пейзажи. По огромности труда первое место между пейзажистами бесспорно принадлежит г. П. Верещагину, который выставил девятнадцать видов уральской железной дороги, исполненных им по заказу г. Голубева. Виды превосходные, но исполнение заставляет желать многого; г. Верещагин, вероятно, принял во внимание прошлогодние замечания о чрезмерной белесоватости его тонов и на этот раз пересолил в другую сторону: картины его бьют в глаза цветистостью. То же можно сказать о г. Мещерском, прибавив разве только в похвалу его, что он отличается замечательною любовью к чистоте. На его пейзаже «На реке Рионе» все точно будто вымыто: вымыты скалы, вымыто небо, вымыта вода, искусно приготовленная из цветного стекла; впрочем, картина в общем является приятным сочетанием цветов. Нельзя сказать то-

го же о картине Мещерского «Перед грозой», с ярко-зелеными дубами, ярко-желтою рожью и отполированной грязною дорогою. Орловский выставил несколько береговых пейзажей, о которых можно сказать, что они как две капли воды похожи на прошлогодние, да еще два сухопутных пейзажа: «Зимняя ночь» и «Зимнее утро». Эти вещи, сколько я помню, первые опыты г. Орловского на поприще зимнего пейзажа, и опыты не вполне удачные.

Наш маститый корифей г. Айвазовский выставил шесть (почему бы не шестьдесят?) картин, если можно назвать этим именем продукты творчества уважаемого профессора. Все та же прозрачная водица, те же туманы над нею, и все такое розовенькое, голубенькое, красивенькое. Две картины претендуют на некоторого рода жанровое значение, а одна метит даже в исторический жанр. А именно, на одной из картин («Буря у крымских скал») на скале, куда решительно нет возможности забраться смертному, в интересной позе, с скрещенными руками, стоит господин в два вершка ростом, по внимательном рассмотрении обнаруживающий некоторое сход-

ство с Пушкиным. Картина посвящена памяти поэта... Не плачь, дорогой поэт! Хоть и очень обидели тебя, отняв «Братьев-Разбойников», но вот и утешение: знаменитый маэстро посвящает тебе картину, которую писал уже наверно не меньше двадцати пяти минут, вместе с твоею фигурою. Тебе, Пушкину, остается только благодарить его, Айвазовского, за оказанную честь.

Я подошел к другой картине И.К. Айвазовского, «Льдины на Неве», где вместе с прозрачными, циклопической величины глыбами льда изображены такие же прозрачные, розовые мужики-ледоколы, и не мог не вскрикнуть от удивления. Г. Айвазовский сатирик! Вот что значит могучий талант! На одной из прозрачных льдин лежит забытый мужиками-пьяницами пустой огромный штоф, а рядом с ним – рукавица, вероятно также забытая в пьяном виде и оставленная на жертву какой-то таинственной птице. Как обрадуются гг. Бланк, Лоде и прочие землевладельцы, полагающие причины всех зол в России в пьянстве и небрежности русского человека, видя эту картину знаменитого маэстро!

Г. Лагорио выставил «Камыши на реке Лже», о которой какой-то каламбурист из публики заметил, что в ней довольно лжи, и морской пейзаж. Хотя я не согласен с каламбуристом, но не могу не сказать, что г. профессор Лагорио не часто балует публику хорошими произведениями. То же и г. Судковский: несколько лет назад он выставил великолепную «Бурю у берегов Очакова» и с тех пор не показывался. В этом году явились четыре его вещи на мотивы из окрестностей Очакова, писанные очень эскизно и даже грубо, но обнаруживающие недюжинный талант. Остается пожалеть, что г. Судковский работает так мало.

Совершенно обратными качествами отличается г. Горовский. Его виды в с. Рамо и в Опоческом уезде, луга и дороги выделяются редкою прилизанностью и полнейшим отсутствием правды в тонах. Кстати заметим о портрете г-жи Лышинской, работы г. Горовского, выставленном рядом с его пейзажами; портрет этот будто бы писан с дамы, не умывавшейся по крайней мере две недели.

Остается сказать еще несколько слов о

финляндских и заграничных пейзажистах. Добросовестный «Вид Гельсингфорса» г. Клейне останавливает на себе внимание внушительностью размеров и обстоятельностью рисунка. Каким-то чудом попавшая на выставку вещица известного Диде, «Гора Эйгер», навела меня на соображение, которое считаю не лишним сообщить читателю. Картина Диде принадлежит г. Куриару, здешнему доктору; интересно было бы знать, кто выставил картину, доктор ли Куриар или Франц Диде? Если г. Куриар, то я в будущем году устраиваю превосходную аферу: предлагаю владельцам всех картин в Петербурге одолжить мне их на месяц за известную плату, небольшую, конечно, а если не спросят платы, то и того лучше; затем беру напрокат картины г. Доре из Вены и олеографии г. Пето и составляю выставку не из 171 произведения, а из 171 000. Успех громадный, деньги льются рекой, я потираю руки, и, главное, эта ненавистная «передвижная» будет посрамлена.

Картины модного живописца Клевера, которого я не могу причислить к русским художникам, «Весна» и «Вечер», кидаются в гла-

за, как и большинство его произведений, грубостью письма и стремлением к эффекту.

Прекрасную, по моему скромному мнению лучшую из пейзажей, вещь выставил барон Тизенгаузен из Мюнхена, именно: «У Адриатического моря»; очень хорош также пейзаж Венглейна, также мюнхенского художника, «Перед грозой», с испуганным стадом на первом плане; но этим пейзажем любовалась уже половина Петербурга в магазине Беггрова. Вообще пейзажей много: до восьмидесяти номеров; но, кроме весьма и весьма немногих, о которых уже было сказано, они не выдерживают ни малейшей критики, а произведения гг. Красовских, Пене, Экгорстов и других подобных просто ужасны!.. Видно, что только настоящая надобность составить выставку заставила комитет Общества принимать на выставку вещи старые и совершенно уничтожить экспертизу при приеме новых.

Портретами настоящая выставка решительно хромает. По большей части они настолько дурны, что говорить о них – даром тратить место на этих столбцах.

Душа Общества, В.И. Якоби, выставил картинку, составляющую переход от портрета к жанру: «Портрет г-жи Розинской с дочерью». Сидит на кресле г-жа Розинская, около нее резвится ее маленькая дочь; вокруг обстановка роскошной гостиной. Все это очень мило, ярко, пестро, вообще прекрасно; и другая картина г. Якоби, «Любитель редкостей», с криво поставленной дамой, тоже прекрасна; только, странное дело, смотря на эти картинки, я невольно вспомнил одну из прежних картин нашего Семейского живописи. Я вспомнил «Привал арестантов». Я вспомнил поразительное впечатление, произведенное этой картиной на публику (были в ней, конечно, и недостатки, но побочные). Как ухитрился художник так передать свои симпатии, свои стремления, свой внутренний склад! Темное, пасмурное небо, дождь, слякоть – и уютная гостиная с экзотическими растениями! Мокрый верстовой столб, мокрые повозки, с колесами, до ступиц покрытыми грязью, – и роскошное кресло, в котором так удобно расположиться покейфовать после обеда! Измученные лица арестантов, бледное и холодное лицо покой-

ника, которому бесчувственный конвойный из какого-то странного любопытства задирает пальцем глаза, – и резкая, улыбающаяся группа изящной, или, по крайней мере, должно быть такою, аристократической матери и ребенка в белом хорошеньком платьице.

Но довольно об этом, читатель; скучная тема, не правда ли?

Лучшая вещь выставки, бесспорно, – огромная картина профессора К.Е. Маковского «Возвращение священного ковра из Мекки в Каир». Перед нами перспектива улицы восточного города; стройные массы домов с полосатыми стенами, с маленькими окнами неправильно теснятся и уходят вглубь картины, мешаясь с минаретами и башнями и резко рисуясь на прозрачном египетском небе. По улице прямо на нас движется пестрая толпа. Все теснится и бежит, все хочет посмотреть на святыню, совершившую опасное путешествие. Толпа взбирается на ступени домов, чтобы лучше видеть; черные глаза женщин любопытно высматривают из-под покрывал. Самое шествие открывается изуве-

ром, беснующимся с обнаженной саблей в руках. За ним идут взволнованные, горланящие правоверные со знаменами и бунчуками, потом шагает верблюд с роскошным бархатным, вышитым золотом шатром на спине, в шатре – святыня Каира. Особенно удалась художнику группа из трех людей около самого верблюда: два дервиша ведут под руки товарища, вероятно доведшего свое исступление до нервного припадка. Шествие теряется в глубине сцены. На все это пущено столько света и восточного зноя, все это нарисовано с такою силою и правдою, что одна картина г. Маковского почти вознаградила меня за общее тягостное впечатление, произведенное выставкою. Она заставляет зрителя задуматься, она в ярких красках показывает вам внешность того Востока, о котором теперь так много говорится, мира фанатизма и невежества, свирепости и исступления.

Другая хорошая вещь выставки принадлежит кисти одного из талантливейших наших художников П. П. Чистякова. Картина эта – «Старый русский боярин». Перед нами покоренный портрет старика в богатой бархатной

шубе; старое, изборожденное морщинами лицо, кажется, заснуло, умерло; только в глазах осталась, сосредоточилась жизнь. Они смотрят из-под нависших бровей прямо в лицо зрителя с каким-то презрительным выражением. «Вы, маленькие людишки, – думает боярин, – посмотрите на меня, водившего в бой царские рати, бывшего в ссылке, бывшего в почести и славе, какой только мог достигнуть русский человек, сеченного кнутом, чуть не лишенного живота и уцелевшего от всего этого. Вам ли, с вашими маленькими радостями и огорчениями, или, как вы говорите, неприятностями, понять меня, прочувствовать буйную жизнь русского боярина!» Написан боярин превосходно; рембрандтовское освещение удачно выбрано для типа, изображенного художником.

Но опять-таки картина эта – картина старая, бывшая уже на выставке, как и подогретый портрет г-жи Розинской Якоби, как и очень, очень многие вещи на выставке Общества. Странное явление. Странно также появление на выставке такого множества совершенно ничтожных жанриков – и русских и

иностранных. Г. Самойлов выставил ни на что не похожих «Двух воров» – верх безобразия, с какой-то дырою в полу, изображающею падающий из окна свет. Г. Ефимов предложил публике «Иконописца-портретиста» и «Старушку, раскрашивающую лубочные картины»; в будущем году, вероятно, появится «Г. Ефимов, раскрашивающий свои картины» в пандан к этим двум произведениям.

Г. Беллоли, не довольствуясь успехом своей прошлогодней выставки голых и полуголых женщин, поставил одну из старых вещей – «Любовная записка». Прежде эта картина называлась «Первое любовное письмо», но г. Беллоли, вероятно, сам устыдился претендовать на то, что его картина может выразить какое-либо душевное движение! Просто сидит довольно приятная дама, с криво нарисованными глазами, и держит в руках бумажку; вот и все. Действительно, здесь нет никакого «первого любовного письма».

Беру смелость посоветовать Обществу не трогать мертвых, дабы они не имели срама: я намекаю на вещицу покойного Нефа «После купанья»; лучше было бы не выставлять ее.

Иностранцы, приславшие... Ах, забыл; забыл, извините, г. Ясинский, совсем было забыл вас, автора «Братьев-Разбойников» *Лермонтова*. О ваших ужасных разбойниках я не скажу ничего; пусть смотрит публика и радуется. Но неужели вы, делая из книги выписку, не могли потрудиться посмотреть на обертку?

Об иностранных художниках я говорить не стану; не могу только пройти молчанием француза Девильи, приславшего нам удивительнейший и огромный «Набег казаков». Какие-то азиатские номады, столько же похожие на казаков, как тюркосы на французов, летят с исступленными, зверскими рожам в атаку. И что всего замечательнее, летят они на чухонских лошадях! Не верите – подите посмотрите. Какую цель могло иметь Общество, принимая подобную картину, не знаю. Разве в виде иронии? Вот, дескать, как французы мало знают нас, бедные французы! Тогда надо бы было сделать и соответственное ироническое примечание: а так, ей-богу, странно!

Есть еще на выставке несколько изображений фруктов и животных. «Виноград» г. Дю-

рани из Рима – так себе, но «Портрет собаки» известного академика Сверчкова, а особенно – ужасные звери г. Афанасьева обратили меня в бегство.

В отделе скульптуры можно упомянуть только о хорошеньких вещицах из бронзы г. Лансере и о мраморном бюсте г. Громова, работы Чижова. С последним (бюстом) мы знакомы по прошлогодней выставке, когда он появился еще в гипсе.

Что ж в итоге? Три хорошие картины, несколько сносных – и только. Остальное печальное донельзя. Грустная выставка, бедное Общество, питающее себя подогретыми картинами и новыми произведениями стряпни гг. Ясинских, Красовских, Самойловых и прочих...

Сегодня мы увидим знаменитую картину Семирадского «Факелы Нерона», которая уже поставлена в отдельной зале. Если хоть десятая часть похвальных о ней отзывов справедлива, то во что обратится остальная выставка в сравнении с нею.

P.S. Странным показалось нам присутствие не помеченных в каталоге выставки превос-

ходных вещей Репина. Если он член Общества, то оно, кажется, имело время поместить в каталог его вещи, стоящие в Академии с осени; если же Репин не член, то Общество должно удалить из зала его произведения, чтобы публика, как это теперь происходит, не считала картин Репина в числе вещей, принадлежащих выставке Общества.

Март 1877 г.